

Такой же эффект могут дать и все иные трансформации высказывания при использовании эпитетов: „Бахтин — ученый, *плодотворно* изучавший работы всем Достоевского и Рабле”; „Бахтин — ученый, изучавший *гениальные* работы Достоевского и Рабле”; и т.д.

Процесс подобных трансформаций и, как его *результат*, совокупность возможных вариантов при условии *категоризации* артикулируемого объекта, формирования у адресата определенной *оценки* объекта, *мнения* об объекте, *интерпретации* объекта или *действий*, релевантных объекту, может быть определен как *дискурс*. Апелляция дискурса к *прогнозируемой* оценке, *мнению*, *смысловым трансформациям*, *действиям* указывает на диалогичность дискурса и предполагает его ориентированность на адресата.

Постоянно расширяющаяся совокупность текстов на определенную тему („Бахтин”) — генеративность дискурса — предполагает, что каждый из текстов не является самодостаточным, законченным или конечным. Текст в дискурсе должен порождать другой текст („Бахтин — ученый, изучавший...” — „Наиболее важной работой Бахтина можно считать...” — „Точка зрения Бахтина на проблему диалогичности дискурса не совпадает с точкой зрения Бубера” — „Точка зрения Бахтина совпадает с точкой зрения Бубера” — и т.д.).

Таким образом, природа дискурса заключается именно в его „недоказанности”, провокативном характере, генеративных функциях, диалогичности, что не соотносится с функциями идеологического дискурса.

Литература

1. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. — Тамбов, 2001.
2. Ильин И. Постмодернизм. Словарь терминов. — М.: Интрада, 2001.
3. Кашин В.В. Онтологические и гносеологические проблемы генезиса понимания. — Уфа, 2000.
4. Мочник Р. Субъект, который должен верить, или Нация как нулевой институт // Критика и семиотика. — №4-5. — 2001.
5. Frank A. ReOrient: Global Economy in the Asian Age. — Berkeley: Univ. of Calif. Press, 2001.
6. Mocnik R. Subject supposed to believe and nation as a zero-institution // Along the margins of humanities. — Ljubljana: ISH, 1996.
7. Mocnik R. Ideology and fantasy // The Althusserian legacy. — Ljubljana, 1997.

Е.Н.КОТЛЯРОВА
г.Белгород

О МЕХАНИЗМЕ ЯЗЫКОВОЙ НЕОЛОГИЗАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ОТСУБСТАНТИВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ)

Адъективная лексика традиционно привлекала внимание лингвистов, но обзор литературы по данному вопросу позволяет сделать вывод, что всестороннего рассмотрения „были удостоены” лишь качественные прилагательные (работы Е.М. Вольф, А.М. Шрамм, Г.М. Шипицыной). а

относительные представляют собой малоизученный разряд прилагательных в силу кажущейся прозрачности их семантики.

В поле зрения нашего внимания находится механизм формирования многозначности отсубстантивных адъективов, изучение которого „позволит углубить наше знание о когнитивной деятельности человека, зафиксированной в наименованиях тех или иных свойств, признаков, качеств, отношений, присущих вещам в реальной действительности” [Лизунова, 2000, 98].

Возможность широкого использования отсубстантивных прилагательных для обозначения свойств новых, открываемых человеком предметов и явлений окружающего мира, заложена в категориальной специфике этого разряда лексико-грамматической категории прилагательных, которые „выражают качество или признак не непосредственно, а опосредованно, через отношение к предмету или действию” [Виноградов, 1972, 151-152]. Эта особенность адъективов обусловлена большой их зависимостью от существительного, с которым они сочетаются.

Имея в большинстве своем значение „отношения”, отсубстантивные адъективы не только характеризуют различные виды отношений между предметами, но и „вбирают” в свое значение все самые разнообразные признаки предмета, обозначаемого существительным — мотиватором, которые на уровне семной организации адъектива выражаются семантическими компонентами разного статуса. Так как в семантике этих прилагательных может содержаться указание не на один, а на множество признаков субстантива — мотиватора, то и возможностей развития вторичных значений как денотативного, так и оценочного характера в процессе актуализации этих признаков теоретически существует множество. При этом в каждом из новых значений под влиянием синтагмы актуализированным оказывается только один признак.

Специфику относительных прилагательных мы видим в том, что уже в прямом номинативном значении (*стеклянный стакан, утренний ледок*) многие адъективы предметного отношения содержат идею переноса признака одного денотата на другой. Поэтому неудивительно, что большинство из относительных прилагательных способны развивать качественные значения и использоваться для называния признаков различных предметов, но в чем-то сходных между собой, „даже в относительных прилагательных, поскольку они именно прилагательные, вскрывается оттенок качественности” [Пешковский, 1956, 102].

Каков же семантический механизм развития вторичных значений рассматриваемой группы адъективов?

В когнитивной лингвистике в последние годы получила широкое распространение идея прототипа. Разрабатывая эту идею на материале глаголов, исследователь Г.И. Кустова приходит к выводу, что источником полисемии глаголов является так называемый „прототипический набор базовых

видов действий”, который постепенно расширяется и пополняется новыми через сопоставление носителями языка нового денотата с некоторой „семантической схемой прототипа” [Кустова, 2001, 85-87]. Взяв за основу это утверждение, допустим, что существует некоторый круг адъективов, характеризующих разные виды базовых отношений между предметами.

Отсубстантивные адъективы в основных значениях относятся к ряду относительных прилагательных, которые обозначают признак через отношение к другому предмету.

Основное номинативное значение любого отсубстантивного адъектива можно представить в виде абстрактной схемы с определенными параметрами, которые заложены в смысловой структуре прилагательного в виде сем разного уровня и статуса, являющихся, с одной стороны, манифестаторами разнообразных признаков денотата, обозначенного существительным — мотиватором, а с другой — отражающих специфику адъектива как грамматического класса слов. Эта абстрактная схема релевантна привычной для данного адъектива зоне референтности. Под влиянием экстралингвистических факторов возникает потребность в обозначении какого-либо свойства другого предмета со сходными признаками (одного или нескольких), и носитель языка начинает „примерять” референт-„претендент” к базовой абстрактной схеме адъектива. Если этот референт отвечает хотя бы одному параметру схемы, то он начинает характеризоваться новым адъективом и входит в зону его сочетаемости, а прилагательное в свою очередь начинает использоваться в новом для себя значении.

Например, адъектив *карманный-1* — „предназначенный для ношения в кармане” используется носителями языка для характеристики круга референтов, который отвечает параметрам „базовой абстрактной схемы”, главными из которых являются требования, предъявляемые к предметам, носимым обычно в кармане: небольшой размер, необходимость для субъекта (должны быть всегда под рукой); отсутствие большой ценности; зависимость от субъекта (если X считает необходимым, он положит V в карман); право субъекта распоряжаться предметом — *карманные часы, карманные деньги*.

В последние десятилетия сформировалось новое значение у данного адъектива *карманный-2* — „послушно выполняющий чужую волю, зависимый в материальном, политическом и т.п. отношении”. *Карманная прокуратура, карманный мэр, карманная власть и т.д.* Использование прилагательного в новом качестве стало возможным потому, что новый круг референтов отвечает одному параметру, заложенному в „базовой абстрактной схеме” данного адъектива, „зависимость от субъекта”.

Прилагательное в данном значении имеет большую частоту употребления в сфере политики, экономики, общественной жизни. Словом *карманный-2* принято оценивать органы власти, управления, представителей всех ветвей власти, экономические структуры — все то, что имеет

веса самостоятельный, зависимый характер, и тех, кто слепо, послушно выполняет волю других, не имеет самостоятельности в принятии решений, так как находится в зависимости от кого-либо. Кое-кому в столице не нравится, что в Петербурге независимый мэра, им хотелось бы иметь карманного мэра (АиФ, №20, 1996). Создав карманную ассоциацию фермеров, аппарат подготовил базу для дискредитации всего процесса окрестничания деревни (Ю.Говорухин). Он, конечно, возлагал на меня определенные надежды — думал сделать послушной, декоративной, „карманной фигурой” (Огонек, 1992, 12-13).

Это значение образовалось в результате перегруппировки семного состава семемы карманный-1 — „небольшого формата, предназначенный для ношения в кармане”, которая сопровождалась актуализацией неярких, периферийных сем денотативного блока „собственный”, „личный”, „находящийся в полном распоряжении хозяина”, введением новых денотативных сем „зависимость”, „выполнение чужой воли” и сем эмоционально-оценочного блока. В семеме карманный-2 оценочность и эмотивность, наряду с выше названными денотативными семемами, заняли ядро смысловой структуры, они определяют смысл и круг возможных сочетаемостей слова. В семемах эмоционально-оценочного блока зафиксированы социальные эмоции — оценки таких качеств реалий, как „зависимость” и „исполнение чужой воли”, которые манифестируются в семемах „неодобрение”, „осуждение”, „презрение”, „возмущение”, которые являются имплицитными, но „проступают”, „проявляются” в сочетании этого адъектива с кругом свойственных ему референтов.

Характеризуя референт прилагательным карманный-2, обладающим очень ярким оценочно-образным значением, мы не только выражаем свое неприятие, осуждение какого бы то ни было вида зависимости, тем более, когда это касается органов власти, но и стремимся воздействовать на эмоциональную сферу людей, пробудить и у них аналогичное негативное отношение к подобным явлениям.

Наблюдения над материалом позволяют предположить, что аналогичным образом происходит процесс формирования вторичных значений и у других адъективов рассматриваемой группы.

Адъектив престижный, который в МАС имеет единственное значение „относящийся к престижу, связанный с завоеванием престижа” используется носителями языка для характеристики круга референтов, который отвечает параметрам „базовой абстрактной схемы”, главными из которых являются качества и свойства предметов, которые могут быть оценены нами как престижные: „лучший”, „высокого качества”, „отборный”, „единственный в своем роде”, „доступный не всем, а лишь избранным”, „элите общества”, „являющийся показателем высокого уровня жизни”, „свидетельствующий о высоком материальном достатке и/или высоком положении в обществе”, „способствующий авторитету человека”,

„оказывающий влияние на успешный карьерный рост”.

В последние годы произошло расширение значения прилагательного *престижный* и сформировались еще два значения этого слова. Семема *престижный* —2 — „такой, который высоко ценится (в обществе или в какой-либо среде), предпочитается другим; такой, который способствует приобретению или сохранению престижа”.

„На него (Михаила Касьянова) смотришь — и остается ощущение, что он воспитывался в каком-то закрытом престижном колледже: настолько элегантно, убедительно умеет подать себя”, — говорит стилист Лев Новиков (АиФ, №6, 2000).

Были конкурсы, которые я проиграл. Но я горжусь тем, что особенно престижные мне удалось выиграть (АиФ, №8, 2000).

Впервые за сто с лишним лет проведения Кубка Дэвиса в трудной борьбе в гостях российские спортсмены выиграли самый престижный теннисный трофей (АиФ, №49, 2002).

Использование прилагательного *престижный*-2 стало возможным потому, что новый круг референтов отвечает нескольким параметрам, заложенным в „базовой абстрактной схеме” данного адъектива, а именно: „оказывающий влияние на успешный карьерный рост”, „свидетельствующий о высоком материальном достатке и/или высоком положении в обществе”.

Новейшее значение *престижный* —3 — „дорогой, высококачественный” явилось следствием изменения общественной жизни и переориентации нравственных ценностей большей части населения нашей страны в сторону приоритета материальных благ. Использование семемы прилагательного *престижный* в новом качестве стало возможным вследствие того, что референты, которые мы оцениваем словом *престижный* —3 отвечают таким параметрам базовой схемы, как „лучший”, „отборный”, „доступный не всем, а лишь избранным, элите общества”.

Теперь эти модели — не только экспонат престижной международной выставки. Они продаются в столичных торговых центрах и крупных универмагах (КП, 28.02.2002).

В этом районе на месте бывшей радиоактивной свалки были построены престижные дома, куда вселялись высокопоставленные чиновники. (РГ, 14.02.2003).

Как видим, у семем *престижный* —2 и *престижный*-3 довольно широкая сочетаемость, а в употреблении они частотны. Эти семемы образовались в результате перегруппировки семного состава семемы *престижный*-1, которая сопровождалась актуализацией неярких, периферийных сем оценочного характера. В семеме-2 оценочность заняла ядро смысловой структуры, она определяет смысл и круг возможных сочетаемостей слова. Слово *престижный* —3 пополнило лексическую парадигму оценочных прилагательных (*уважаемый, лучший, превосходный, авторитетный и т.п.*)

Наши наблюдения показывают, что механизм языковой неологизации опирается на различные системные связи слова. На уровне поверхностных структур неологизация выражается в обновлении валентностей слова. С точки зрения когнитивного подхода происходит соотнесение референта — „претендента” с базовой абстрактной схемой адъектива. На уровне компонентного состава неологизация опирается и на трансформацию семного состава новообразования, и на базу семного наследия мотивирующих семем (внутри или вне слова), и на базу сем синтагматического характера, идущих от обязательных компонентов — единиц текста (для прилагательных: сем, идущих от опорных существительных) по закону семной синтагматики.

Литература

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М. 1972.
2. Кустова Г. И. Когнитивные модели семантической деривации и система производных значений // ВЯ. — 2000. — № 4.
3. Лизунова Е. Ю. Проблемы изучения семантики транспонированных (относительных) прилагательных во французском и русском языках // Когнитивная семантика: Материалы Второй Международной школы-семинара по когнитивной лингвистике. — Тамбов, 2000.
4. Пешковский А. И. Русский синтаксис в научном освещении. — М., 1956.

С. А. КОШАРНАЯ
г. Белгород

ОБ АРХЕТИПИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ НА *-МЯ*: ЛЕКСИКАЛИЗАЦИЯ МИФА

Известно, что славянское склонение на согласный является древнейшим, распределение существительных внутри этого склонения базировалось на семантическом принципе. Так, в данный тип склонения входили термины родства, наименования частей тела, следовательно, указанное склонение репрезентировало распределение имен по семантическим полям. Большинство существительных склонения на согласный перераспределилось по другим типам склонений уже на основе собственно грамматических признаков. Однако десять существительных донныне сохраняют свое особенное положение в системе имен, пережив все морфологические „революции”. При этом с позиций современного языка неясно, что объединяло номинаты на *-мя* в прошлом.

Несмотря на то, что в древнерусском языке первых веков второго тысячелетия состав группы имен данного склонения был несколько шире: сюда входили также существительные *письмя*, *чисмя* („число”), *голомя* (предположительно „в открытую”, „открытое море”), *зеремя* („отдельное место, где находилась колония бобров”), *поромя (родств. *паром*), *соломя*